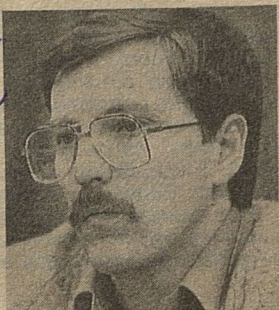

БАШНЯ

ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Эксперт
и критик
1993 - 23 -
30 дек (251)
- с 6-7.

НА ПРОШЛОЙ неделе мы почти совсем совпали с Европой. Правда, произошло это совершенно случайно, но факт остается фактом. Триумфатором «Ники» — главного отечественного события киногода — стал Никита Михалков, как за полмесяца до этого он же прослыл героем европейского «Феликса».

Правда, у нас его наградили не за лучший фильм, а как лучшего режиссера. Но это дела не меняет. Даже многие из тех, кто не в восторге от «Урга» и от личности Михалкова, вынуждены признать, что режиссер он на порядок выше по мастерству, нежели его старшие и младшие коллеги. По искусству у него было только два соперника — Отар Иоселиани («Охота на бабочек») и Иван Дыховичный («Прорва»). Но шансы обоих были неровными: их электорат составляли эстетствующие радикалы. Большинство же киноакадемиков недвусмысленно зая-

Евромиф-2

вило о своих вполне традиционных пристрастиях, подчеркнув в графе «лучший фильм» «Анкор, еще анкор!», а в графе «лучший режиссер» — Михалкова.

На первый взгляд, эти предпочтения несовместимы. Михалков — европейская величина, едва не отхватил «Оскара». Тодоровский только однажды в своей достойной биографии приблизился к международной славе — когда снял «Военно-полевой роман». Да еще «Интердевочка» получила приз на фестивале в Токио — не без помощи Михалкова, бывшего там председателем жюри. Но, как правило, фильмы Тодоровского, включая и «Анкор...», сориентированы на внутреннюю аудиторию и принадлежат сугубо советской шестидесятилетней кинотрадиции, без всяких примесей авангардизма и постмодернизма. Они, эти фильмы, демократичны (в этическом плане) и консервативны (в эстетическом). Точно так же, как вкус нашей кинообщественности, даже если она мнит себя элитой.

Но ведь и Михалков — законный сын этой традиции. Что он неоднократно подчеркивал — то жестом в поддержку Бондарчука, то передачей денежного приза в помощь ветеранам кино. Конечно, фильмы самого Михалкова рассказаны гораздо более современным языком и чувствуют западную аудиторию. Но по сути они эксплуатируют все тот же арсенал сентиментальной «задушевки», что питал русское кино от оттепели до перестройки и остаток которого утеплит макаберную атмосферу «Маленькой Веры». Хлынувший затем авангард вкупе с чернухой уничтожили эту почву и мифологию, они лишь чудом, в качестве реликта, кое-где и кое у кого сохранились. Сохранились в домашнем варианте у Тодоровского и в экспортном у Михалкова, которые и разыграли мирно между собой «Никю».

Зная нрав Никиты Сергеевича, мож-

но предположить, что он вовсе бы не явился в Дом кино к идейно чуждому ему Гусману (и уж тем более в компании Сергея Владимировича и Андрея Сергеевича), если бы главный приз достался не Тодоровскому, а, положим, Дыховичному. Или еще кому-нибудь из представителей вовсе чуждой ему «новой волны».

Эта «волна» тоже использует арсенал тоталитарных мифов, но выворачивает их наизнанку, иронически остраивает, эклектически перемешивает, монтирует с западными аналогами. Она, «волна», жаждет влиться в европейский контекст. Но как раз этого не происходит: русское кино привыкло ценить на Западе за простоту и задушевность, либо — вариант Тарковского — за метафизическую возвышенность. Ни того, ни другого нет ни в «Прорве», ни в «Детях чугунных богов», ни в «Дюба-дюба». Оттого так трудна и нескладна их международная фестивальная участь. Да и на родине их успех возможен лишь при поддержке профессионального либо поколенческого лобби, иначе они обречены быть затворниками в безлюдной башне из слоновой кости.

Тандем Тодоровский — Михалков консолидировал противоборствующие силы и течения, сомкнул внешне непримиримые позиции (политические, эстетические, этические), обнаружил их подспудное внутреннее родство. Тандем также внятно прокомментировал вероятность замены нашего отечественного киномифа альтернативным европейским. Сколь бы ни была желанна для многих сия замена, доступна она пока лишь на индивидуальном уровне — как счастливое исключение, случайный выигрыш в лотерею, пускай даже тщательно спланированный.

Сама структура нашего сознания (как массового, так и элитарного) устроена на иной, отнюдь не европейский манер. Живую иллюстрацию этой самобытности дало присутствие на церемонии «Ники» трех представителей рода Михалковых. Генетический код настолько крепок, что космополитические подвиги в нем не слишком заметны у Н. М. — даром что он более всех остальных наших признан в Европе.

Остается следить за теми мифологическими мутациями, которые обнаружат (или напротив) следующие поколения в лице Степана Михалкова и Валерия Тодоровского.

Андрей ПЛАХОВ.

29/12/93

Никита сличаюнов